

**В серии «Другие Миры»
вышли книги:**

Ника Ветрова
Университет вредной магии.
Пособие по выживанию

Галина Гончарова
Против лома нет вампира
Не сотвори себе вампира

Ольга Куно
Горький ветер свободы
Черно-белая палитра
Чудовище и красавец
Опальный капитан.
Спасти Новую Землю

Вероника Мелан
Ассасин
Дэлл
Уровень: Магия
Бернарда
Корпорация
«Исполнение желаний»

Ирина Котова
Королевская кровь.
I. Сорванный венец
II. Скрытое пламя
III. Проклятый трон
IV. Связанные судьбы
V. Медвежье солнце
VI. Темное наследие
VII. Огненный путь

Ольга Гусейнова
Когда нет выбора
Сумеречный мир

Ольга Хусаинова
Академия Зла.
Испытание ведьмой
Академия Зла.
Быть ведьмой

**Нина Бархат,
Марина Багирова**
Присвоенная

Жанна Лебедева
Сиреневый черный.
Гнев единорога

Лесса Каури
Золушки из трактира
на площади
Золушка вне закона
Золушки нашего Двора
Золушка и её команда

Вероника Ягушинская
Любовь по-драконьи

Алиса Дорн
Институт моих кошмаров.
I. Здесь водятся драконы
II. Адские каникулы
III. Никаких демонов

Таис Сотер
Факультет прикладной магии.
Простые вещи
Факультет боевой магии.
Сложные отношения

Кира Стрельникова
Своенравный подарок
Бездушная

Дарья Кузнецова
Модус вивенди
Железный регент

Ольга Романовская
Песочные часы

Юлия Григорьева
Погоня за сказкой
Погоня за сокровищем

Ирина Зволинская
Охота на дракона

Алина Полянская
Магистерия

Анна Невер
Обжигающий след
Обжигающий след.
Потерянные

Екатерина Богданова
Академия времени

Марина Александрова
Соль.
Судьба первородной

Марина Суржевская
Ветер Севера. Риверстейн
Ветер Севера. Аларания

Ольга Миклашевская
Это все магия!

Алина Лис
Маг и его кошка
Изнанка судьбы

Лариса Петровичева
Лига дождя

Александра Черчень
Господин моих кошмаров

Евгения Сафонова
Лунный ветер

Алина Лис

ИЗНАНКА СУДЬБЫ

Издательство АСТ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л63

Разработка серийного оформления
Евгения Антофья
Иллюстрация на обложке
Вероники Акулич

Лис, Алина.

Л63 Изнанка судьбы: роман / Алина Лис. —
Москва : Издательство АСТ, 2018. — 384 с. —
(Другие Миры).

ISBN 978-5-17-109859-9

Элисон Майтлтон умеет перемещаться между реальностями и видит вещие сны. Она — шкатулка с секретом, за которой охотится зловещий маг.

Враг ее влиятелен и не остановится ни перед чем, чтобы получить свою жертву. Единственный защитник Элисон — загадочный воин-фэйри, отрекшийся от своего князя ради любви к человеческой девушке. Но что скрывают его забота и его молчание? И человек ли Элисон на самом деле?..

ISBN 978-5-17-109859-9

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© А. Лис, 2018
© Оформление. ООО «Издательство АСТ»,
2018

Часть первая. Сделка

Глава 1. Сомнительное предложение

Элисон

Блудсворд приехал после обеда.

Я следила, спрятавшись за гардиной, как его сиятельство спрыгивает с лошади, передает поводья конюху и движется быстрым шагом по садовой дорожке к главному входу. На душе было тяжело от скверных предчувствий. В этот момент граф вскинул голову, посмотрел на окно, и я отшатнулась. Показалось, что он разглядел меня за моим ненадежным укрытием. Словно дыры взглядом в занавеси прожег.

Он заперся в комнате с маменькой и долго о чем-то совещался, а я ходила кругами, изнывая от невозможности подслушать.

Когда чуть позже дверь открылась и меня позвали в гостиную, я даже не удивилась, потому что ждала чего-то подобного.

Не удивилась, но испугалась.

Я боялась его всегда, с первой встречи. Несмотря на то что граф ни разу не пытался как-то навредить мне. Только иногда делал двусмысленные комплименты и смотрел.

Так смотрел, что после этого липкого предвкушающего взгляда хотелось помыться.

Сэр Блудсворд всегда был моим кошмаром — личным чудовищем. Он словно отбрасывал уродливую горбатую тень на всю мою жизнь.

Я входила в гостиную с опаской.

— Элисон, дорогая! Боги услышали наши молитвы, мы спасены, — затараторила матушка, стоило мне появиться на пороге. — Его сиятельство обещал все уладить с вашим дядей.

Ах, я буду так рада, если это недоразумение больше не будет омрачать нашу жизнь и семья снова воссоединится!

— С чего бы такая щедрость? — у меня не получилось быть любезной. Не верю в бесплатный сыр. Особенно от Блудсворда.

Они словно и не услышали моего вопроса.

— Но самое большое счастье: нам удалось устроить твою судьбу, девочка моя! Поздравляю, сэр Блудсворд попросил твоей руки, и я сказала, что не возражаю.

И тут я просто жутко перепугалась. Обмерла на месте — ни слов, ни мыслей, один глухой глубинный ужас.

— Ты будешь графиней, дорогая!

Все, на что меня хватило, это пискнуть:

— Не буду!

— Ах, конечно будешь. Кто же знал, что ты такая кокетка. Я даже не подозревала, что ты и сэр Блудсворд... — она игриво потрепала меня за щечку. — Ладно, ладно, оставляю вас наедине, влюбленные голубочки.

Когда она ушла, мне стало так страшно, что я даже осмелела. Я так умею, да.

— Объяснитесь, ваше сиятельство!

Граф ухмыльнулся и заговорил. Настолько тихо, что пришлось подойти ближе.

— Приличные девицы при таком известии падают в обморок от счастья, а не допрашивают будущего супруга с видом прокурора. Где ваши манеры, моя дурно воспитанная Элисон? Сделайте хотя бы вид, что рады этому известию. Подумайте, что я спасаю вашу семью, а вас саму избавляю от участи старой девы.

— Спасаете?! Каким образом?

— Грегори мне должен. Если вы станете моей женой, я замолвлю словечко за ваших родных перед ним. Конечно, никто не оставит им особняк и графство, но небольшая пожизненная рента поможет сделать их судьбу чуть менее печальной.

Я сделала еще полшага вперед и почувствовала запах свежей крови. Сегодня он был так силен, что даже во рту появился железистый привкус.

От графа и раньше часто пахло кровью, но этого никто, кроме меня, словно не замечал. Когда я попыталась рассказать родным, Китти с Фанни подняли меня на смех, маменька сказала, что я вгоню ее в гроб, а папенька буркнул: «Чокнутая, точно!»

— Это ведь все неправда?

Он благодушно улыбнулся:

— Вы так враждебно настроены, моя подозрительная Элисон. Всегда и во всем ищите подвох. Почему бы вам просто не поблагодарить меня? Или, — тут он хищно улыбнулся, — поцеловать?

К горлу подкатила тошнота. Поцеловать Блудсворда? Я, наверное, жабу с большим удовольствием согласилась бы поцеловать.

Нет, вовсе не потому, что его сиятельство горбат. Горб у него маленький, почти незаметный. И роста граф нормального, не карлик. Лицо асимметричное: крупный нос и подбородок, резкие скулы, тяжелые почти сросшиеся на переносице брови. Необычная внешность, но мужественная, совсем не урод. Хорошего рода, не беден, умеет держаться в обществе.

Отдельные дурочки даже считают графа красивым. Я же под прицелом его изучающих темных глаз всегда чувствовала себя кроликом во власти удава.

— Зачем вам жениться на мне?

— С самой первой минуты, как я увидел вас, ваши красота и чистота так запали мне в душу, что я понял: вы — та единственная, что предназначена мне судьбой. Я люблю вас и готов свернуть горы, чтобы назвать своей женой. Восхитительная мисс Майтлтон, окажите мне честь, сделайте меня счастливейшим из смертных, скажите «да».

Эту речь граф произнес нараспев, как хорошо заученный театральный монолог. Потом издал гадкий смешок и спросил:

— Ну как? Убедительно?

— Нет.

— Ну и ладно, — теперь он надвигался, а я пятилась. — Тебе, может, неубедительно, а другим пойдет. Общество будет рукоплескать и крутить пальцем у виска: взять перестарка, бесприданницу, сомнительного происхождения, с припадками, да еще и чокнутую. Такое может сделать только влюбленный идиот.

Я спиной наткнулась на стену, а он навис рядом. От запаха к горлу подкатила тошнота. Почему, ну почему никто больше не чувствует этого рядом с Блудсвордом?

— Я откажусь! Скажу «нет» в храме.

Он картинно развел руками:

— Откажетесь? Правда откажетесь, гордая Элисон?! И позволите Грегори вышвырнуть вас на улицу? И чем же вы будете жить, учитывая, что ни вы, ни ваши сестры не приучены ни к какой работе? Да и Ванесса... кому нужна престарелая певичка? Вас так прельщает славное будущее в виде содержанки или проститутки, маленькая развратница?

— Нет, — прошептала я.

Он был прав, просто я никогда не думала об этом. Мы же выросли в Гринберри Манор, он всегда был нашим домом, как Сэнтшим — землей отца. Все знали, что, когда папенька умрет, Саймон станет новым графом.

И вот теперь мой брат сбежал с ши, а дядя Грегори вот-вот отсудит у нас все. Он всегда нас ненавидел.

Блудсворд попытался провести рукой по моей щеке, но я отшатнулась, и граф укоризненно покачал головой:

— Элисон! Вы как испуганный зайчонок. Почему вы так меня боитесь? Разве я когда-нибудь обижал вас или давал повод думать обо мне плохо?

Я попробовала сглотнуть, но в горле совсем пересохло:

— Тогда... в малинике. Патер Вимано...

Граф изумленно приподнял брови:

— Малиник? Патер Вимано... припоминаю, так звали священника, который заведовал приходом в Сэнтшине лет пять назад. Но при чем здесь он? И малиник?

В его темных глазах заплясали насмешливые искорки, а я снова ощутила жуткую раздвоенность, когда непонятно, где настоящее, а где видения или бред. Была ли та встреча в малинике правдой, или она только приснилась мне? Помню, как прислуга судачила о смерти патера Вимано, а в день похорон у меня был приступ, поэтому не запомнилось почти ничего.

Я не могу себе доверять до конца. Слишком часто забываю важное и помню то, чего никогда не было.

— Все просто, моя недоверчивая Элисон, — благодушно продолжал его сиятельство. — Мне давно пришло время обзавестись наследником, а вы хороши собой, милы и равны мне по происхождению. Кроме того, вы не вертихвостка и не проводите ежедневно по пять часов у модистки, как ваша младшая сестра. Короче говоря, вы мне подходите. Да, у вас нет состояния, но я достаточно богат, чтобы не нуждаться в дополнительных средствах. Зато вы и ваши родственники никогда не станете пытаться диктовать мне, что делать.

Я недоверчиво посмотрела на графа. Сейчас он казался почти милым, а его слова — пусть неромантичными, но разумными. Я и не надеялась выйти замуж по любви. Я вообще выйти замуж не надеялась.

Кто он? Мой детский страх, личное чудовище из липких кошмаров? Или обычный мужчина, которому просто не повезло родиться с горбом?

Он ведь наш сосед уже много лет, и никто, кроме меня, его не боится и не чувствует запаха крови.

Не сделаю ли я величайшую глупость в своей жизни, отказав ему?

Я уже открыла рот, чтобы сказать, что согласна, когда он оскалился и сразу стал похож на волка, который долго и успешно притворялся собакой.

— А если ты откажешься стать моей женой, я все равно найду способ, — его рука впиалась в плечо, оставляя синяки. — Ты будешь принадлежать мне.

— Больно!

— Разве это больно? Ты даже не представляешь, что такое настоящая боль. Тебя ведь никогда не били, Элисон?

В снисходительном тоне мне почудилось обещание. Даже живот заболел от страха, и я решила.

— Я скажу маме, что вы грозились меня мучить!

Он засмеялся мне в лицо, словно этого и ждал:

— Давай! Беги к матери и расскажи, как твой жених обещал замучить тебя до смерти. Батлемская лечебница для умалишенных ждет! Знаешь, что там делают с пациентами?

Граф прикрыл глаза, и его голос изменился, зазвучал глухо, чуть надтреснуто:

— Их держат взаперти, как животных. В грязи, за решетками, вдалеке от солнечного света. В рубище. Они постоянно кричат, стонут и воют, — он содрогнулся, словно от воспоминания. — А уж какая там вонища...

Еще немного, и у меня бы точно начался припадок. Я прикрыла глаза, силясь побороть дурноту, как от морской болезни.

— Держат всех вместе — мужчин и женщин. Догадываешься, чем это заканчивается? Ублюдков, которые рождаются от подобных союзов, сразу забирают от матери на воспитание в дом призрения. И можно рожать следующего. Особо буйных заковывают в цепи или привязывают к кроватям ремнями. А если будешь слишком беспокойным пациентом, тебе пробьют голову зубилом, чтобы выпустить демонов. Вот здесь, — он ткнул узловатым пальцем мне в висок. — И после этого тебе уже будет все равно, где ты находишься сейчас и кем была когда-то.

Я не хотела слушать его рассказ, но не слушать его было невозможно. Слова повисли в воздухе — тяжелые, правдивые и оттого особенно жуткие.

— Вы там были? — спросила я, еле шевеля губами.

Ни одна сплетня о Блудсворде не упоминала Батлемскую лечебницу для умалишенных, но так рассказывать можно, только если сам прошел через ад и вернулся.

Граф помедлил и кивнул. Мне показалось, что в его темных глазах мелькнул страх.

И я вдруг поняла, что сочувствую его сиятельству.

Батлем. Незримый меч над моей головой, причина, по которой я, как умею, скрываю свои странности.

Дверь за спиной Блудсворда раскрылась:

— О, я вижу, вы поладили. Ах, девочка моя, как я тебе завидую! Любовь — такое прекрасное, светлое чувство. Помнится, мы с твоим отцом...

Блудсворд моргнул. Оскаленный монстр исчез, уступив место вполне привлекательному мужчине.

— Миледи, я рад сообщить, что мисс Майтлтон сделала меня счастливейшим из смертных, сказав «да». Осталось назначить день свадьбы.

— Мама, он лжет! Я не выйду за него!

Маменька посмотрела с укором, как всегда, когда я ляпаю что-то, по ее мнению, неуместное.

— Дорогая, не говори глупостей. Твои шутки совсем не смешны. Сэр Блудсворд, надеюсь, вы не станете воспринимать всерьез это девичье кокетство.

— О нет, миледи. Я все понимаю...

«Но это правда», — шепнула я одними губами.

Бесполезно. Мать всегда слышит только то, что хочет слышать.

* * *

Все наши беды начались с маскарада, на который я не поехала.

Я уже давно стараюсь избегать балов и приемов. Мне на них неловко, все время кажется, что обо мне перешептываются, говорят «чокнутая» и пальцем показывают.

На балах я особенно остро чувствую себя чужой и ненужной. В прошлый раз за весь вечер у меня было только три танца, а ведь я хорошо танцую! Лучше сестер, даже лучше большинства невест в Сэнтшиме! Но меня редко приглашают. Обычно я сижу в кресле, смотрю, как кружат другие пары. Я стараюсь не завидовать. Любуюсь, какие они красивые, а к горлу так и подкатывают непрошенные слезы.

Старая дева — девятнадцать лет. В обычной жизни я научилась не жалеть себя и не думать об этом, но знаю, что на балу не получится.

Фанни тоже осталась дома. Маменька по этому поводу очень расстроилась. Фанни пятнадцать — самый лучший возраст, чтобы искать выгодную партию.

— Ах, дорогая, но срок траура уже почти миновал. И нам всем просто необходимо развеяться.

— Неприлично веселиться, когда после смерти отца прошло всего восемь месяцев.

Иногда я завидую набожности и строгости Фанни. Она всегда знает, как правильно. И такая серьезная. Ее даже маменька побаивается.

— Хочешь остаться старой девой? Прямо как Элисон? — фыркнула Китти.

Мне стало до слез обидно. Хотела сказать ей в ответ какую-нибудь гадость, даже воздуха набрала, но так и не нашла, как уколоть.

Зря говорят, что на правду не обижаются. Правда как раз обиднее всего, от нее не отмахнуться.

— Дорогая, ну что ты говоришь. Твоя сестра еще найдет себе прекрасную партию. — По маменькиному лицу было видно, что она ни на полпенса не верит в свои слова.

Никто не верит. Даже я.

— Не найдет, если будет дома сидеть.

Я пробормотала что-то про траур и сбежала.

Маскарад длился до утра. Маменька и Китти думали, что Саймон уехал раньше. Только когда они вернулись домой, выяснилось, что брат сбежал.

Маменька при этом известии стала такой мертвенно-бледной, что я поверила: ей и правда нехорошо.

Никто не знал имени и не помнил внешности женщины, которая увела Саймона. Все, что мы сумели разузнать, расспрашивая гостей, это что на маскараде незнакомка была в зеленом парике и черной полумаске.

— Ах, как это романтично! — закатила глаза Китти.

— Но он должен был нас предупредить, — нахмурилась Фанни.

— Это ужасно! Где мои сердечные капли? — простонала маменька.

Я ничего не сказала. Меня никто не спрашивал.

Не сказала, но подумала: какой он смелый. Все-таки сделал все по-своему, молодец. И еще хорошо помню, как любопытно было познакомиться с избраницей брата.

А чуть позже мы все уже молились, чтобы речь шла всего лишь о поспешном тайном браке. Потому что кучер кареты, в которую села влюбленная парочка, поклялся: мол, остановился по приказу зеленоволосой красотки у кромки леса. На его глазах женщина взяла Саймона за руку и увела за собой в холм.

— Бывает, — философски заметил он, набивая трубку дешевой курительной смесью. — Фэйри балуются. Давнехонько о них не было вестей.

Я слушала, затаив дыхание. Верить? Не верить? Настоящие фэйри, совсем как в сказке?!

Маменька молчала и весь рассказ слушала с каменным лицом, а когда кучер вышел, упала в обморок.

— Я не верю, что Саймон мог так поступить, — заявила она после того, как Фанни поохала над ней должное количество раз, а я поднесла нюхательную соль.

Мой безответственный брат сбежал за неделю до слушания дела о наследстве. И наше и без того непрочное положение стало совсем плачевным.

* * *

Нет, мы не сдались так просто, конечно нет! Маменька наняла мага, который, по слухам, накоротке с повелителем фэйри. Седой приземистый колдун оглаживал бороду и смешно пучил глаза. Но делу не помог.

— Фэйри Гэльских холмов здесь ни при чем, — сказал он, разводя руками. — Ни в одном из кланов не слышали о вашем сыне, леди Майтлтон. Должно быть, свидетель соврал.

Я знала от Терри, что старый кучер не соврал, просто перепутал фэйри и ши. Терри объяснил, что это два разных народа. Через холмы лежит путь в страну вечного лета, где обитает племя ши. А родственные им фэйри живут рядом с людьми.

Когда я пыталась рассказать об этом родным, маменька только вздохнула:

— Ах, дорогая, как тебе не стыдно? Держи себя в руках, нам и без твоих фантазий нелегко.

Я так разозлилась, что даже ногой топнула. Ну почему они меня никогда не слушают?!

— Это не фантазия!

Теперь уже и Фанни посмотрела на меня с укоризной:

— Тогда откуда ты это знаешь?

— От Терри.

Лицо у маменьки стало несчастным. А я, как всегда, когда речь заходит о Терри, почувствовала себя виноватой.

Обещала ведь ему не говорить про него с родными. И маменьке клялась, что «выкину эти глупости из головы». Всего месяц прошел с последнего раза.

— А, твой придуманный друг...

Фанни была еще суровее:

— У нас нет на это времени, Элисон.

И я струсила. Не стала дальше ничего доказывать.

Все равно бесполезно.

Очень страшно было ждать судебного разбирательства. Спускаться каждое утро в надежде на хорошие вести, чтобы потом весь день изнывать от тревоги и невозможности сделать хоть что-то. Неуверенность в завтрашнем дне, которую мы все ощущали после смерти отца, теперь проявилась, нависла в воздухе, как тяжелые тучи. Смолкла и без того редкая музыка, даже Китти больше не смеялась, а в один из дней я вдруг поняла, что стараюсь разговаривать шепотом.

Маменька ходила бледная, пила сердечные капли и поминутно падала в обморок. Когда не хватало внимания, начинала рыдать и донимала всех жалобами.

День слушанья приближался неотвратимо. Поверенный хлопотал о его переносе — не вышло. Дядя Грегори — злой гений нашей семьи — употребил все свое влияние, чтобы не допустить проволочек.

Но на самом разбирательстве мы ему показали. Нет, не победили — если бы это было так просто! Выпросили у судьи отсрочку. На месяц.

— Все равно Гринберри Манор будет принадлежать Майтлтонам, а не вашим бастардам, Ванесса, — сказал дядя, гадко улыбаясь.

Маменька, обладавшая безупречным чувством того, когда можно закатить истерику, а когда лучше повременить, лишь побледнела и произнесла трагическим шепотом:

— Боги накажут вас за ваши злодеяния.

— Видно, что вы скучаете по сцене, — снова ухмыльнулся лорд Грегори.

Не знаю, очередная это ложь или правда, что моя мать была актрисой, пока отец не женился на ней. И знать не хочу! Хватает того, что дядя везде распускает эти сплетни.

Я так рассердилась на его поведение, что вмешалась. Ну сколько можно терпеть его двусмысленные намеки?

Речь получилась убедительная и правильная:

— Оставьте мою мать в покое, не позорьтесь. Намерение выгнать вдову брата с детьми не делает вам чести, так хоть не опускайтесь до оскорблений беззащитной женщины.

— О, юный кукушонок Элисон, — он перевел на меня взгляд, и я раскаялась, что влезла. — Свирепый плод страсти нежной. Вас уже выпустили из Батлема?

Все, кто находились рядом, оглянулись на меня. И я поняла, что снова пойдет волна слухов о моем душевном нездоровье.

Сколько раз клялась самой себе не заговаривать с этим подлым человеком! Кажется, ему только того и надо, чтобы я возмутилась, начала возражать. Если молчать, получается, что я согласна с гадостями, которые он говорит. А в споре дядя всегда выставляет меня скверно воспитанной или не совсем нормальной.

Мы уехали домой в похоронном настроении. И все последующие дни предчувствие беды витало в воздухе. Маменька то принималась плакать и жаловаться, то хорохорилась и говорила, что боги не оставят этого просто так, правда непременно восторжествует. Китти, как всегда, хихикала, примеряла наряды и делала вид, что ничего не происходит. Фанни усердно молилась, а я просто ждала беды.

Дождалась.

Глава 2. Предвестие беды

Франческа

...В стылых мартовских сумерках тлеют свечи. Дрожат на ветру, но не гаснут, как заговоренные. Запах оплавленного воска висит над долиной, мешаясь с запахами мокрого камня, прелой листвы, сожженных трав и дыма от факелов.

Короткий, отчаянный крик: «Не надо! Я буду хорошей! Не трогайте Терри!»

Кровь на моих руках. Кинжал, застрявший в теле мага. Пробирающий до последней жилочки, тихий, жуткий шорох. *Смерть проносится мимо, не задев, лишь опалив леденящим дыханием щеку.*

Снова крик: «Терри-и-и!»

И небо — сиреневое вечернее небо — падает в долину...

За секунду до того, как стоящего рядом человека разорвет на части, за мгновение до того, как второго, чуть дальше, вплавит раскаленной волной в темный камень, а происходящее превратится в нечеловеческий кошмар, я вспоминаю, что это все — сон, морок. Открываю глаза, сдерживая рвущийся на волю крик.

Снова тот же кошмар. Прошел почти год с тех пор, как сон возвращал меня в долину Роузхиллс.

За окном сумерки Изнанки. Не вечерние, рассветные. Чуть покачивается полог кровати, за витражным окном сереет небо.

— Чш-ш-ш. Что случилось? — Горячие объятия заставляют чуть отступить навалившуюся жуть. Воспоминание не уходит навсегда, просто прячется в тень, как прячется в кустах хищник, поджидая добычу.

— Ничего.

Губы касаются моего виска, спускаются чуть ниже к мокрой щеке:

— Ты плакала?

— Кошмар приснился. Я тебя разбудила? Прости.

Хмыкает:

— Я только лег.

— Опять до утра сидел за гримуарами? — говорю я с притворной строгостью.

— Угу.

— А потом дрыхнуть до обеда будешь?

— Угу. — Он обнимает меня чуть крепче и недовольно замечает: — А ты опять в сорочке.

— Конечно. Что мне, голой ложиться?

Он вкрадчиво шепчет мне на ухо: «Было бы неплохо!», и я чувствую, как горячая ладонь скользит вверх по ноге, задирая тонкую ткань.

— Ты же спать хотел.

— Угу.

— Ну хватит.

Пальцы уже поглаживают подколенную ямку — легонько, нежно. От прикосновений по коже бегут мурашки.

— Неужели хватит? Мы же только начали, — и рука движется дальше, вверх по бедру, чуть стискивает ягодицу, пытается проникнуть меж ног...

Тело отзывается на ласки, но память о кошмаре слишком свежа. Душой я еще там, под холодными небесами долины Роузхиллс. Они не располагают к любовным утехам.

Я отпихиваю его и отворачиваюсь.